

УДК 338.242.4

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

© 2013 г. В. Г. Наймушин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Рассмотрены макро- и мезоэкономические аспекты перехода экономики России к инновационной модели развития. Доказано, что высокая инновационная активность корпораций, поднимающая потенциал конкурентоспособности российской экономики, может быть обеспечена только при ясно выраженной промышленной стратегии государства.

Ключевые слова: промышленная политика; инновации; развитие экономики; инвестиции; кредитные ресурсы; конкуренция; налоговые льготы.

Author examined the origin of basic problems that take place during the transition to innovation economics (macroeconomic and mesoeconomic angles). It's proved that increasing of the corporations' innovation activity and, as a consequence, the increasing of Russian economy's competitiveness level, is possible only as a result of purposeful industrial policy of the government.

Key words: industrial policy; innovation; development of the economy; investments; resources; credit competitiveness; tax remissions.

В советское время, несмотря на передовые достижения фундаментальных наук, их претворение в жизнь, как правило, происходило в военной сфере. Гипертрофированный рост ВПК, обусловленный в том числе и международной обстановкой, тормозил развитие гражданского производства. Оно отставало от зарубежных аналогов еще и потому, что в СССР путь от научного открытия через развитие прикладной науки до реализации в производстве занимал минимум в 3 раза больше времени.

Переход экономики на инновационные рельсы не произошел и в 1990-е гг., уже на рыночной стадии развития России. Вставшие у руля экономики псевдолибералы считали, что технический прогресс возникает главным образом из рыночной конкуренции. Так действительно происходит в странах с развитой рыночной экономикой, но не в России, где крайне недостаточны затраты на обновление основных фондов и на НИОКР.

Задача инновационного развития была закреплена как приоритетная в утвержден-

ных в 2002 г. президентом России «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», предусматривающих переход к инновационному пути развития страны; в положениях Посланий президента Федеральному Собранию о повышении конкурентоспособности отечественной продукции и удвоении ВВП за десятилетний период, технологической модернизации реального сектора экономики; в разработанной по поручению президента и одобренной правительством в 2006 году комплексной программе «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», направленной на развитие высокотехнологичных отраслей экономики и ряде других основополагающих актах. Наконец, в Стратегии долгосрочного развития России до 2020 года («Стратегии — 2020»), утвержденной правительством в 2008 году, также говорится о переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. Для этого предполагалось на

порядок повысить показатели инновационной активности, реформировать образование и науку, значительно увеличить долю российских высокотехнологичных продуктов на мировом рынке.

К сожалению, несмотря на выработанные в 2000-х гг. программные установки, каких-либо существенных изменений в технологическом уровне нашей экономики пока не происходит. На практике не показали серьезных результатов ни малые и средние фирмы, ни крупные корпорации.

Ситуация с инновационной активностью на промышленных предприятиях не только не улучшается, но и в значительной степени ухудшается.

В последнее десятилетие доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции снизилась до 4,8% (в конце 1980-х гг. — 30–40%). Доля инновационно активных предприятий в России не превышает 10% (в конце 1980-х гг. — 60–70%) [7].

В результате, Россия утратила почти все секторы мирового рынка высокотехнологической продукции, на которых ранее занимала ведущие позиции. Если в конце 1980-х гг. в нашем экспорте товары с высокой добавленной стоимостью составляли почти 40%, то в 2012 г. — 4,4%. Если в 1991 г. Россия делила второе–третье места в мире среди стран, производящих станки, то в 2012 г. она оказалась третьей от конца и ее доля в производстве мирового станкостроения составила менее 0,3%. Если в 1991 г. наши самолеты составляли около 40% мирового парка гражданской авиации, то в 2012 г. — 1,8%. И такая негативная тенденция наблюдается практически во всех отраслях обрабатывающей промышленности.

Известно, что научно-технологические и иные сдвиги в экономике происходят тогда, когда этим занимаются все предприятия. В России ситуация далека от этого. В особенности нужно выразить тревогу по поводу фатальной незаинтересованности предприятий в НИОКР и научно-технических инновациях. Первопричина данной незаинтересованности в самой истории возникновения нашего предпринимательского сословия — оно складывалось не в результате созидательной конкуренции. Сложившийся слой предпринимателей не несет в себе реального опыта

конкуренции на уровне научно-технического новаторства.

Проведенный в 2011 г. анализ инновационной активности крупного бизнеса показал, что почти 90% крупнейших компаний оказались вообще не готовы представить детальные результаты своей инновационной деятельности. Если в практике высокоразвитых стран компании, прежде всего крупные корпорации, играют ключевую роль в финансировании НИР и создании нововведений, покрывая 2/3 и более общенациональных затрат на НИОКР, то в России положение диаметрально противоположное. У нас за счет бизнес-структур финансируется ежегодно не более 20–25% вложений в НИОКР. Критическая недостаточность этих цифр становится тем более нетерпимой, если учесть, что вся сумма вложений в НИОКР в России все последние годы была на уровне около 1% ВВП, тогда как в США доля затрат на НИОКР в ВВП примерно 2,5–2,8%, в Японии — около 3,3%, Израиле — 4,5% [12].

В свое время в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» было предусмотрено, что «средства на финансирование научных исследований, экспериментальных разработок выделяются из федерального бюджета в размере не менее 4% расходной части бюджета». Однако, эта законодательная норма, через которую государство могло обеспечивать финансирование важнейших приоритетных направлений, способствующих инновационной деятельности, была исключена из действующего законодательства.

Некоторые экономисты видят главное препятствие для развертывания предпринимательской инициативы в административных барьерах и в «избыточном государственном регулировании экономики». Хотя, как известно, в России нет ни индикативного, ни стратегического планирования. Государство не регулирует цены. Мы ввели самое либеральное налоговое законодательство в мире. Российское антимонопольное ведомство не борется с монополизмом. Говорить об избыточности государственного регулирования всерьез в данных условиях не приходится.

Тем не менее, некоторые высокопоставленные госчиновники и экономисты говорят о необходимости снижения масштабов госу-

дарственного регулирования, замене регламентации на рыночные механизмы. На наш взгляд этот тезис достаточно спорный и расходится с позитивной мировой практикой последнего времени.

В этой связи следует вспомнить ход мирового общественного развития и углубление на этой основе экономической теории.

Великая депрессия США 30-х годов прошлого столетия высветила обострившиеся противоречия капитализма. Способом разрешения данного противоречия стала необходимость активного государственного воздействия на капиталистическую экономику, базирующуюся на кейнсианской теории экономического роста. Кейнсианская экономическая теория исходит из того, что «капитализм не является саморегулирующейся системой, способной к бесконечному процветанию; нельзя полагаться на то, что капитализм развивается сам по себе...» [6].

Дж. М. Кейнс отстаивал усиление роли государства — как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы. Кейнсианские рецепты активно использовались Ф. Д. Рузвельтом, а впоследствии стали идеологической программой смешанной экономики и теории «государства всеобщего благоденствия» Л. Эрхарда.

Поэтому речь сегодня должна идти не о снижении доли государства в экономике, а о степени, мере его участия исходя из объективных потребностей и возможностей национальной экономики, ее роли и месте в мировой экономике в условиях глобализации.

Хорошим примером в этом отношении может служить Китай, экономика которого развивается быстрыми темпами, где доля государственной собственности в стратегических отраслях превышает 70%, что доказывает высокую эффективность государственного управления. Китай сохранил в госсобственности природные ресурсы, естественные монополии, крупные коммерческие банки, а также государственное регулирование наиболее важных для формирования экономических пропорций цен. Даже в период последнего мирового экономического кризиса экономика КНР продемонстрировала свое преимущест-

во, обеспечивая не падение производства, а высокий экономический рост [4].

Пример Китая показывает, насколько важны организационные меры на государственном уровне для инновационного развития экономики. В России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае, в 2,5 раза больше выпускников инженерных специальностей. В то же время на мировом рынке наукоемкой продукции доля Китая достигла 6%, а России — всего 0,3% [10].

Для того чтобы реально достичь роста национальной экономики на инновационной основе, нужны, прежде всего, финансовые ресурсы, инвестиции, причем непосредственно в реальный сектор экономики.

Особая роль должна быть отведена госинвестициям в развитие национальной экономики. Для этого в 1998 г. был принят закон «О бюджете развития Российской Федерации», который предусматривал разделение бюджетов текущих расходов и бюджета развития. Однако на практике формирование бюджета вместе с бюджетом развития не происходило. А затем и вовсе все статьи Бюджетного кодекса, касающиеся бюджета развития, из него были вообще исключены.

Пора понять, что добиться инновационного развития экономики России можно только при условии формирования соответствующего бюджета развития. Это императивное требование.

В «Стратегии — 2020» предлагается поддерживать технологические и научно-исследовательские проекты, «обеспечивающие прорывные позиции России в научно-технологической конкуренции на мировых рынках».

Выделен раздел высокотехнологичных отраслей, из которого виден предлагаемый состав приоритетных отраслей. На первом месте стоят авиационная промышленность и двигателестроение. В состав высокотехнологичных отраслей вошли также ракетно-космическая, судостроительная, радиоэлектронная промышленность, атомного энергопромышленного комплекса и информационно-коммуникативных технологий. По всем названным отраслям приоритет отдается проблемам мирового рынка, в то время как, по нашему мнению, более актуально за счет бюджетной поддержки удовлетворить спрос на внутреннем рынке.

Проблема состоит в том, что при ограниченности инвестиционных ресурсов невозможно одновременно обеспечивать приоритет «прорывам» на мировой рынок и обновлять базовые отрасли, работающие на внутренний рынок. Ставя задачу прорыва на мировой рынок по узкому кругу позиций, по остальным позициям мы неизбежно отдаем внутренний рынок импорту. Что фактически и происходит в течение всего периода экономических реформ. Даже в тех отраслях, которые долгое время, что называется, держались на плаву на накопленном ранее потенциале. Примером может служить электроподвижной состав для железных дорог страны, потребности в котором многие годы полностью удовлетворялись за счет отечественных производителей. Однако в последнее время на смену отечественных электропоездов и электропоездов все чаще приходят импортные. И этот процесс, в связи с приближающимися Олимпийскими играми в Сочи и чемпионатом мира по футболу в 2018 г. в нашей стране ускоряется. А ведь речь идет о продукции стратегической важности, от которой зависит транспортная безопасность России.

Если в инновационную систему России входят проекты и прорывные технологии лишь для приоритетных отраслей, значит, базовые отрасли остаются вне национальных инновационных программ. Такого не было ни в одной развитой стране мира.

Совершенно очевидна необходимость отдавать приоритет проблемам внутреннего, а не мирового рынка. Так как, во-первых, крупнейшими участниками на внутреннем рынке высокотехнологичной продукции являются корпорации оборонного комплекса. Во-вторых, мировые затраты на НИОКР составляют триллионы долларов [2]. Поэтому серьезные «прорывы» на мировой рынок, даже по названным приоритетным отраслям, после 20 лет отсутствия полноценных НИОКР невозможны в сравнительно короткий период до 2020 г.

В качестве примера можно привести ситуацию с отечественным железнодорожным машиностроением, в частности — с электровозостроением.

Известно, например, что государственные инвестиции стран ЕС, Японии, США в развитие железнодорожного транспорта со-

ставляют 4–9 млрд. долларов в год. Это позволяет производителям железнодорожной техники этих стран занимать лидирующее положение на мировом рынке [8].

В России же, несмотря на то, что еще в 2007 г. Правительством утверждены «Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года» и «Стратегия развития транспортного машиностроения в 2007–2010 гг. и на период до 2015 года», предусматривающие ежегодное выделение 2,5 млрд. руб. государственных средств на проведение НИОКР по созданию нового электроподвижного состава, фактически, за пять лет, прошедших после утверждения Стратегий, из госбюджета не было выделено ни одного рубля на проведение НИОКР, в том числе научным центрам отечественного электровозостроения.

Что же касается промышленных предприятий подотрасли электровозостроения, то они все последние годы на НИОКР тратят всего 0,3–0,4% средств от объема выручки.

В результате, по сравнению с ведущими на мировом рынке производителями электроподвижного состава, вложения в инновационные разработки у нас крайне недостаточны. При таком уровне финансирования НИОКР невозможно получить научно-технические результаты мирового уровня. И это, естественно, и близко не обеспечивает конкурентоспособность нашей продукции на рынках.

Реально Россия сейчас вытеснена не только с мировых, региональных, но и с внутреннего рынка товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости.

Высокая доля товаров и услуг обрабатывающей промышленности была и остается важнейшим критерием эффективности национальной экономики крупной страны независимо от того, какая часть этой продукции экспортируется.

России необходимо сначала довести финансирование НИОКР по всем базовым отраслям экономики до требований сегодняшнего дня, а потом уже переходить к финансированию по приоритетам.

Надо помнить, что ядром инновационного развития является машиностроение. Понятно, что все виды машиностроения должны быть наукоемкими и высокотехнологичными, что требует разработки соответствующей стратегии по всем видам машино-

строения. Высокая доля НИОКР в стоимости современных машин и оборудования обуславливает широкую бюджетную поддержку разработки и освоения в производстве новых моделей техники, а также лизинга и других форм стимулирования обновления машин и оборудования.

Пока же, к сожалению, распределение инвестиционных ресурсов и показатели рентабельности, складываются далеко не в пользу машиностроения (см. табл. 1).

В России наблюдается ускоренный рост импорта машин и оборудования. Отношение импорта к экспорту за период 2005–2010 гг. возросло по машинам и оборудованию с 4,7 до 13,4, по металлообрабатывающему оборудованию — с 4,5 до 17, что свидетельствует о нарастании отставания отечественного производства машин и оборудования от уровня передовых индустриальных стран, об усилении зависимости от импорта важнейших видов техники [11].

Надежды на удовлетворение потребностей в машинах и оборудовании за счет импорта не оправдались ни в одной отрасли. Нельзя привести ни одного примера, когда бы в каком-то крупном производстве благодаря импорту произошло обновление производственного аппарата.

Все дело в том, что теория инновационного развития утверждает, что инновации бывают разные: есть базисные, улучшающие, дополняющие и «псевдоинновации», имитирующие подлинные инновации, но качественно не меняющие ни само производство, ни производимый продукт, а изменяющие лишь его вид или форму. Все эти «айфоны»,

«смартфоны», «айпады» и т. п. — это все псевдоинновации. Частный капитал, как правило, не вкладывается в базисные инновационные технологии, пока государственный капитал не возьмет на себя основные издержки по их созданию.

Согласно данным опроса, проведенного в 2005 г. международным консалтинговым агентством The PBN Company, только 3% зарубежных инвестиций проявляют интерес к России в проведении научных исследований, технологическом сотрудничестве и инновационной деятельности, а почти 80% рассматривают ее в качестве рынка сбыта товаров и услуг [13].

Переходя на импорт продукции машиностроения, включая импорт через «отверточную сборку», Россия лишается миллионов рабочих мест в высокотехнологичных и наукоемких видах деятельности.

В плане инновационного развития экономики следует выделить меры, направляемые в последнее время на укрепление военно-промышленного комплекса (ВПК). Дело не только в том, что от производства новых поколений оружия зависит безопасность России. Во-первых, накопленный в ВПК в советский период и еще нерастраченный интеллектуальный потенциал может и должен быть использован для инновационного развития сугубо гражданских отраслей. Во-вторых, в стране существует реальная возможность выйти на концепции «двойных инноваций» для их одновременного использования в военном и гражданском секторах экономики. Опыт США это наглядно показал. В 1990-е гг. Минобороны США обозначило и профинан-

Таблица 1

**Структура инвестиций и рентабельность
по отраслям промышленности (2011 г., в%) [3]**

	Инвестиции в основной капитал	Рентабельность товаров (работ, услуг)
Промышленность — всего	100	10
Добыча топливно-энергетических ресурсов	34,9	31,9
Металлургическое производство	8,4	21,3
Химическое производство	8,6	19,2
Производство машин и оборудования	6,1	6,9

сировало реализацию 22 «критических технологий». Из них 75% имело двойное назначение [10]. В результате был создан мощный импульс для инновационного развития американской экономики.

Существенный инвестиционный ресурс для формирования инновационной экономики содержится в справедливом перераспределении доходов, использовании прогрессивной налоговой шкалы, как во всем мире, введении налогов на роскошь. Россия — единственная страна в мире, где доходы населения облагаются по твердофиксированной ставке 13%, дивиденды — 9%.

Между тем, максимальная ставка налога в Германии составляет 45%, в Японии — 50%, в Швеции — 57%. В Китае минимальная ставка 5%, а максимальная — 45%. И все платят налоги [4].

С очень больших доходов, а они в России получаются, в основном, за счет природных ресурсов, налоги должны быть не менее 50%.

Для поддержки научной и инновационной деятельности необходимо создать систему льгот и преференций. Среди таких мер большая роль принадлежит налоговым рычагам. Практически во всех странах инновационные вложения освобождаются от налогов. Так, в США существует более ста льгот, стимулирующих разработку и внедрение инноваций. В Англии, Канаде, Франции, Италии предусматривается стопроцентное исключение из облагаемого налогом дохода затрат на инвестиции [12].

Однако органы государственной власти, отстаивая принцип равных возможностей всех хозяйствующих субъектов, лишили инновационные предприятия, НИИ и КБ даже тех льгот, которые они имели раньше, в том числе льгот по налогу на прибыль, на имущество, на землю.

Сейчас основная проблема, мешающая становлению условий инновационного хозяйствования, заключается, прежде всего, в слабости политики государства по поддержке воспроизводства промышленного капитала. Сектор малых и средних предприятий не в состоянии выйти на позиции, сравнимые с ТНК высокоразвитых стран и не служит базой для создания эффективных хозяйственных структур. Проблема эффективного предпринимательства не может быть решена лишь в плос-

кости предоставления государством больших свобод частному капиталу. Решение видится в создании вертикально интегрированных корпораций, сопоставимых по концентрации промышленного капитала и инвестиций с ведущими ТНК мира [9]. Секторов, в которых возможно их создание, немало — это авиостроение, электровозостроение, судостроение, приборостроение и т. д.

Более высокая инновационная активность корпораций, поднимающая потенциал конкурентоспособности российской экономики, может быть обеспечена только при ясно выраженной промышленной стратегии государства.

На наш взгляд, скорейшее решение основных вышеперечисленных проблем, позволит осуществить долгожданный переход от дискуссий и деклараций о необходимости построения в России инновационной экономики к широкомасштабной разработке, практическому внедрению и массовому распространению инновационной продукции, как на внутреннем, так и на мировом рынках.

Литература

1. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года. // Вопросы экономики. — 2012. — №4. — С. 97–116.
2. Амосов А. Вопросы перехода к инновационному типу воспроизводства. // Экономист. — 2008. — №5. — С. 23–32.
3. Водомеров Н. О теоретических основах политики модернизации. // Экономист. — 2012. — №4. — С. 18.
4. Воронин Ю. «Новая экономика» по Путину. // Советская Россия. — 2012. — №13, 9 февраля.
5. Дежина Н. П. Тройная спираль в инновационной системе России. // Вопросы экономики. — 2007. — №12.
6. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978. — С. 398–399.
7. Кучуков Р., Савка А. Проблемы конкурентоспособности народного хозяйства. // Экономист. — 2008. — №8. — С. 7.
8. Наймушин В. Г. Развитие науки — ключевой фактор перехода к инновационной эко-

номике. // TERRA ECONOMICUS. — 2010. — Т. 8. — №3. — С. 32–35.

9. Наймушин В. Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная неоиндустриализация: выбор современной России. // Экономист. — 2009. — №4. — С. 47–52.

10. Примаков Е. М. Стратегические ориентиры и показатели политики государства. // Экономическая наука современной России. — 2008. — №1 (40). — С. 110.

11. Сайфиева С., Ермилина Д. Машиностроение: состояние и тенденция. // Экономист. — 2012. — №2. — С. 36.

12. Тарубин А. В. «Узкие места» инновационного процесса. // Экономист. — 2008. — №10. — С. 57–58.

13. Федорова Н. Иностранцев пугает коррупция. // Экономика и жизнь. — 2005. — №11. — С. 35.

Поступила в редакцию

22 апреля 2013 г.



Валерий Григорьевич Наймушин — доктор экономических наук, профессор кафедры Политэкономии и экономической политики Южного федерального университета.

Valeriy Grigoryevich Naimushin — Ph. D., Doctor of Economics, Professor at the Political Economy and Economic Policy department of the Southern Federal University.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88
88 M. Gorkogo st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (928) 12-49-075; e-mail: naimushin.vg@mail.ru